

На правах рукописи

СУХАРЕВ Анатолий Анатольевич

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ЗАУРАЛЬСКОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ НЭПА:
1921-1929 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНИ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Тюмень – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Кружинов Валерий Михайлович

Официальные оппоненты: **Бехтерева Людмила Николаевна**
доктор исторических наук, ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук», заведующий отделом исторических исследований

Саламатова Марина Сергеевна
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"», доцент кафедры теории и истории государства и права

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»**

Защита состоится 19 февраля 2015 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре и на сайте ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»: <http://d21227404.utmn.ru/defenses>

Автореферат разослан «26» декабря 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

З. Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Проблема взаимодействия власти и общества является одной из ключевых для современной России, определяя характер функционирования социально-политической и экономической системы, ее стабильность и динамизм. Важными условиями достижения этих целей выступают умелая работа властных структур с общественным мнением, налаженные каналы обратной связи, которые позволяют успешно проводить государственную политику, использовать творческий потенциал народа, способствовать реализации его потребностей. Все это выдвигает проблему взаимодействия власти и общества в число актуальных и научно значимых и предполагает изучение комплекса многообразных факторов, влияющих на формы и результаты данного процесса.

В советскую эпоху взаимодействие власти и общества развивалось под влиянием ряда факторов, в том числе политической традиции и ментальности, господствовавшей идеологии и объективной обстановки, ставившей перед страной определенные задачи. В этой связи обращение к периоду новой экономической политики позволяет исследовать широкий круг взаимосвязанных проблем, которые представляют особую ценность для понимания сущности и содержания большевистского режима, обстоятельств функционирования советской системы, сопряженных не только с ее стабилизацией и эволюционной модернизацией, но и с рядом противоречивых тенденций общественно-политической жизни.

В процессах, проявившихся в этот период, закладывались основания сталинского режима. В то же время направление развития механизмов взаимодействия власти и общества не было predetermined заранее, что позволяет исследовать их с учетом альтернативности и многомерности исторического пространства.

Выбор диссертационной темы автор связывает с утверждением новых подходов в исторической науке, в том числе междисциплинарных, а также с возросшим вниманием к изучению глобальных процессов на материалах локальных сообществ.

Объектом исследования выступает советская общественно-политическая система в годы нэпа.

Предметом исследования является взаимодействие власти и общества зауральского города в условиях нэпа.

Понятие «власти» крайне многозначно, и в данной работе рассматривается лишь ее политическая составляющая, институционализированная в виде структур – в первую очередь советских и большевистских, непосредственно осуществлявших управление на территории города Тюмени.

Под «обществом» понимается население Тюмени, объединенное по ряду признаков в определенные группы. Их взаимодействие с властью проявлялось в различных формах, как правило, организованных «сверху». В этом смысле общество выступало в качестве объекта властных отношений, на который направлялись действия партийно-советских структур.

Хронологические рамки исследования охватывают период с марта 1921 г. до конца 1929 года. Начальная дата обуславливается постановлением X съезда РКП(б) о замене продовольственной разверстки продналогом, которое положило начало переходу к нэпу. Конечная дата определяется крутым поворотом в политике государства, когда на смену нэповским механизмам пришла политика форсированной индустриализации и массовой коллективизации, сопровождавшаяся существенными изменениями в системе взаимодействия власти и общества.

Территориальные рамки включают город Тюмень, игравший важную роль в административной и хозяйственной жизни региона. До 1923 г. он являлся губернским центром, в 1923 г. стал центром округа Уральской области. Численность населения города составляла в 1920 г. 43 026, а в 1929 г. – 59 530 человек. Социально-демографическая структура жителей Тюмени во многом была аналогичной структуре других российских городов подобного уровня.

Состояние научной разработки проблемы. Историография проблемы включает два этапа: советский (с 1921 г. по 1991 г.), в рамках которого мы выделяем четыре периода, и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время).

Характерной чертой *первого* (советского) *этапа* являлось использование формационного подхода как теоретической базы исследований. В соответствии с

этим употреблялся и соответствующий понятийный аппарат. На данном этапе сформировались научные школы, специализирующиеся на изучении взаимодействия власти и общества. Одна из существенных черт тех десятилетий – это закрытость документов секретного делопроизводства партийных и советских органов, материалов ВЧК, ГПУ и ОГПУ.

Первый период советского этапа историографии охватывает время с 1921 до конца 1920-х гг., когда отечественная историческая наука пребывала в переходном состоянии, и специальных исследований по теме взаимодействия власти и общества в годы нэпа профессиональными учеными практически не проводилось. В стадии формирования находилась источниковая база, а многие документы были доступны в основном партийно-советским работникам, представители которых составляли значительную долю исследователей темы. Наибольший интерес в их среде вызывали вопросы советского и партийного строительства¹.

Второй период – начало 1930-х – середина 1950-х гг. – характеризуется нарастанием догматического подхода к интерпретации исторического процесса в русле «Краткого курса истории ВКП(б)». На фоне сокращения количества работ по проблеме взаимодействия власти и общества акцент переносился на позитивный опыт, а меры по изоляции «врагов партии и советской власти» однозначно трактуются как необходимые для укрепления диктатуры пролетариата. Одновременно предпринимаются попытки подвести итоги эволюции советской политической системы в годы нэпа².

В *третий период* советского этапа историографии, охватывавший время с середины 1950-х до середины 1980-х гг., тема взаимодействия власти и общества в годы нэпа вызывает нарастающий интерес у профессиональных историков, повышается уровень ее научной разработки, в том числе на материалах разных регионов страны. В научный оборот вводится широкий круг исторических источников. В результате официальная концепция проблемы пополнилась

---

¹ Ананов И.Н. Местные органы советской власти. Л., 1925; Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921; Полуян Я. Политические итоги перевыборов городских Советов. М., Л., 1927 и др.

² Аскеров А.А. Очерки советского строительства. М., 1953; Генкина Э.Б. Советская страна в период перехода к новой экономической политике // Историк-марксист. 1939. № 5-6. С. 38–66.

многочисленными фактами, а исследователи прикоснулись к вопросам, ранее не рассматривавшимся³.

В то же время новые тенденции мало сказались на концептуальных подходах к освещению проблемы, в центре которой оставалась правящая партия, представавшая силой, умело направлявшей и обучавшей массы государственному управлению. При этом взаимоотношения власти и общества описывались зачастую идиллическими формулами: «Попытки враждебных элементов использовать выборы в собственных целях, проникнуть в Советы встречали организованный отпор рабочих, которые дружно защищали своих кандидатов, оберегая горсоветы от чуждого элемента»⁴.

В *четвертый период* – середина 1980-х – 1991 г. – в изучении истории взаимоотношений между властью и обществом в годы нэпа наблюдается ряд новых тенденций: начинают использоваться новые теоретические подходы, расширяются сюжетные линии исследований, предлагаются иные, нежели раньше, оценки. Так, характеризуя советскую политическую систему 1920-х гг., историки обратили внимание на нарастание формализма и бюрократизма в деятельности партии и Советов, которые обычно связывались с формированием режима личной власти И.В.Сталина и командных методов управления, с элитарностью власти. Ряд исследователей констатировал «чрезмерную опеку» над Советами со стороны партийных органов⁵. В то же время особая роль в общественно-политической жизни страны традиционно отводилась рабочему классу.

На втором (постсоветском) *этапе* изучения проблемы окончательно оформляется отход от монополии формационной теории в научных исследованиях, начинают разрабатываться новые сюжеты, в научный оборот

---

³ Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск, 1978; Алещенко Н.М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976; Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1982 и др.

⁴ Андреев В.П. Партийное руководство выборами городских Советов Западной Сибири (1926–1932 гг.) // Руководство партийных организаций Сибири совершенствованием государственного аппарата, деятельностью хозяйственных и общественных организаций в условиях социалистического и коммунистического строительства (1917–1977 гг.). Томск, 1980. С. 51.

⁵ Андреев В.П. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР. (1926–1937 гг.) Томск, 1990. С. 5 и др.

вводятся ранее почти не доступные историкам письма во власть, секретные материалы органов политического контроля.

В это время образ власти в представлениях населения, его сознание и настроения исследуют В.П. Булдаков, А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, Д.О. Чураков, С.В. Яров⁶ и другие историки, чьи оценки расходились с рядом традиционных положений. Так, С.В. Яров, изучив психологию рабочих Петрограда, пришел к выводу о преобладании в их среде политической апатии, которая проявлялась в резких ситуативных изменениях политических настроений, в немалой степени обуславливавшихся факторами материального порядка⁷.

Внимание исследователей привлекли новые аспекты формирования советского управленческого аппарата⁸, деятельность системы государственного политического контроля над населением⁹, манипуляция массовым сознанием в ходе избирательных кампаний в Советы, которая, как показала М.С. Саламатова, достигалась с помощью административных мер и путем ограничения участия в избирательном процессе некоторых групп населения¹⁰. К истории эволюции большевистской партии в условиях нэпа обратились Т.В. Кондратьева, В.М. Кружинов, Г.Л. Олех, В.З. Роговин¹¹ и другие.

---

⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007 и др.

⁷ Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

⁸ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001; Он же. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М., 2003; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997 и др.

⁹ Измозик В.С. Глаза и уши режима (государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). СПб., 1995.

¹⁰ Саламатова М.С. Все на выборы! Как избирали в Сибири в 1920-е гг. // Родина. 2010. № 1. С. 102–103; Она же. «Обеспечить пролетарский состав Советов любой ценой»: способы манипуляции на выборах в Советской России в 1920-е гг. // Власть и общество в России XIX–XX веков: провинциальный аспект. Орехово-Зуево, 2012. С. 303–311 и др.

¹¹ Кондратьева Т.В. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1992; Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд сквозь годы. М., 1992 и др.

Эти и другие смежные проблемы стали широко анализироваться на материалах отдельных регионов. Так, В.А. Надеждина и П.М. Кайбушева рассмотрели массовые настроения и политическое поведение населения Оренбургской губернии¹², С.П. Постников и М.А. Фельдман изучили социокультурный облик рабочих Урала¹³. Повседневную жизнь Новониколаевска и других городов Сибири и формирование политических взглядов и настроений разных слоев горожан, их взаимоотношения с властью накануне нэпа проанализировал В.Г. Кокоулин¹⁴. Широкий комплекс вопросов эпохи нэпа, в том числе связанных с правовым, материальным положением разных групп населения Удмуртии, его социокультурный облик исследовала Л.Н. Бехтерева¹⁵. Для понимания процессов, развивавшихся за Уралом накануне перехода к нэпу, особое значение имеют труды М.В. Шиловского¹⁶.

На втором этапе историографии повышается интерес к изучению проблемы на материалах Зауралья. В хронологических рамках конца XIX–начала XX вв. она получила освещение в монографии А.Б. Храмцова¹⁷. В монографических исследованиях А.А. Кононенко взаимоотношения между властью и обществом в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны рассматриваются на материалах Тюмени¹⁸, а в монографии В.В. Московкина – на материалах Урала и

---

¹² Надеждина В.А., Кайбушева П.М. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921–1929 гг.). Уфа, 2010.

¹³ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2004.

¹⁴ Кокоулин В.Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и военного коммунизма (февраль 1917 – март 1921). Новосибирск, 2010; Он же. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013.

¹⁵ Бехтерева Л.Н. Безработные в период нэпа: правовое положение и социальные механизмы адаптации (на материалах Удмуртии) // История государства и права. 2014. № 11. С. 23–27; Она же. Советская власть в борьбе с частным торговым капиталом в период нэпа // Там же. 2010. С. 3–7; Она же. Удмуртия в годы новой экономической политики: торгово-промышленное развитие и социокультурный облик рабочих. Saarbrücken, 2011 и др.

¹⁶ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003.

¹⁷ Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX вв. Тюмень, 2010.

¹⁸ Кононенко А.А. 1918 год в Тюмени: люди, партии, события. Тюмень, 2006; Он же. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009 и др.

Западной Сибири¹⁹. На примере освоения нефтегазовых районов Тюменского севера во второй половине XX в. некоторые вопросы взаимодействия властных структур и населения проанализировали Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов, М.В. Комгорт, С.М. Панарин²⁰ и другие исследователи. Ряд сюжетов по избранной нами проблеме представлен в «Очерках истории Тюменской области» (Тюмень, 1994), книгах по истории населенных пунктов региона²¹.

К отдельным аспектам взаимодействия власти и общества в годы нэпа на материалах Зауралья обращались В.П. Петрова, И.В. Скипина, И.В. Хажеева и другие исследователи, внимание которых привлекли некоторые направления деятельности органов государственной власти, их структура и наиболее типичные представители²². Влияние нэпа на жизненные условия жителей Тюмени получило отражение в работах В.И. Кружинова и З.Н. Соковой²³. О.Н. Гончаренко, О.В. Палецких, А.Я. Тарасюк и некоторые другие историки проанализировали положение отдельных групп населения Зауралья в 1920-е годы²⁴.

---

¹⁹ Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999.

²⁰ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002; Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005; Панарин С.М. Политическая элита Тюменской области: история и современность // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Тюмень, 2009. С. 217–221 и др.

²¹ Иваненко А.С. Четыре века Тюмени: очерки живой истории старинного сибирского города. Тюмень, 2004; Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2003.

²² Петрова В.П. Взаимодействие государства и кооперативной системы по восстановлению сельского хозяйства Урала в годы нэпа // Вестник Тюменского государственного ун-та. 2003. № 3. С. 111–119; Скипина И.В. Современные исследователи о советских управленцах 1919–1921 гг. (на материалах Урала и Зауралья) // Словоцковские чтения-2002. Тюмень, 2002. С. 99–101; Хажеева И.В. Будни низовой советской администрации Тюменской губернии в начале 1920-х годов // Тюменский исторический сборник. 2010. Вып. 13. С. 71–76 и др.

²³ Кружинов В.М. Тюменцы и их город в 1920-е годы // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. 7. Тюмень, 2005. С. 119–129; Кружинов В.М., Сокова З.Н. Тюмень и тюменцы на исходе новой экономической политики // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. 2006. С. 3–9; Сокова З.Н. К оценке жилищного кризиса в первые годы советской власти (на материалах Тюмени) // Вестник Тюменского государственного университета. № 2. 2013. С. 155–161 и др.

²⁴ Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье в 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005; Палецких О.В. Молодежь тюменского региона в 1920-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2007; Тарасюк А.Я. Социальная политика советского государства и жизнь женщины в 1918–1929 гг. (На материалах Зауралья): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004 и др.

Таким образом, история взаимодействия власти и общества в годы нэпа на материалах Тюмени не стала предметом специального исследования и освещается фрагментарно. В дальнейшей разработке нуждаются вопросы, связанные с характеристикой властных структур, состава и социокультурного облика населения города, его запросов, многообразных форм взаимодействия власти и населения.

Цель диссертации – исследование взаимодействия власти и общества на материалах Тюмени в годы нэпа.

Исходя из этой цели, автор ставит следующие **основные научные задачи**:

- изучить функции, структуру и ресурсы власти;
- исследовать формирование и состав городской политической элиты;
- проанализировать состав и материальное положение горожан;
- изучить социально-политические взгляды и запросы населения;
- исследовать формы и эффективность политических технологий, использовавшихся властью;
- проанализировать формы политического участия населения;
- изучить взаимодействие власти и общества по решению проблем города.

Теоретической основой исследования является цивилизационный подход. Его основы разрабатывались в XIX в. Г. Рюккертом и Н.Я. Данилевским, а позднее – О. Шпенглером, А. Тойнби, Л.Н. Гумилевым, С. Хантингтоном и другими. В рамках этой теории российское общество нэповского периода интерпретируется в качестве культурно-исторической общности, объединенной набором определенных ценностей, традиций и жизненным укладом, которые сравнительно медленно изменяются во времени. С позиций цивилизационного подхода автор трактует теорию элит, разработанную на рубеже XIX–XX вв. Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом. Основная их идея заключалась в том, что в государстве неизбежно возникновение элит, а любая социальная группа, пришедшая к власти, неизбежно олигархизируется («железный закон олигархии» Р. Михельса).

Одним из важнейших **методологических принципов**, которыми руководствовался автор, является историзм, предполагающий анализ сложившихся форм взаимодействия власти и общества в связи с общим

контекстом исторической эпохи. Использованный при подготовке диссертации принцип объективности нацеливал нас на изучение объективных реалий, определяющих деятельность общественных сил и отдельных лиц. В то же время исследование опирается на субъектно-деятельностный подход, признающий за индивидами способность принимать решения, исходя из собственных представлений. Еще одним принципом, использованным при подготовке работы, стал принцип всесторонности, который предполагает выявление полной информации, учет исторических взаимосвязей. Отсюда обращение к достижениям смежных областей научного знания – политологии, социологии, философии, исторической психологии, позволившим обогатить методологическую основу диссертации.

Масштаб исследования обусловил применение локального подхода, который позволяет изучить многочисленные аспекты существования жителей отдельных населенных пунктов, учитывая их типичность и уникальность в сравнении с региональной средой и страной в целом.

В работе широко использовались общенаучные методы исследования.

Источниковая база. Для комплексного освещения темы автор привлекает разнообразные исторические источники. Значительная их часть не публиковалась и выявлена в центральных и региональных архивах. В соответствии с происхождением и содержанием все источники систематизированы по группам.

К *произведениям государственных и общественных деятелей* относятся работы и выступления В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других большевистских лидеров, разрабатывавших принципы взаимодействия власти и общества в условиях диктатуры пролетариата, которые легли в основу проводимых большевиками преобразований.

Среди использованных в работе *законодательных актов* особое значение имеют Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг., Конституция СССР 1924 г., декреты и постановления Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов, ВЦИК и СНК РСФСР и СССР, на основе которых функционировала политическая система страны, конструировались ее нормы и институты.

К *документам высших органов государственной власти и большевистской партии* относятся протоколы и резолюции съездов Советов, ВЦИК, съездов и

конференций РКП(б)-ВКП(б), позволившие определить основные направления партийно-государственной политики и комплекс мероприятий власти, регулировавших участие населения в политическом процессе.

Источники следующей группы представлены *нормативными актами региональных советских и партийных органов*, призванными скорректировать советское законодательство с учетом местных условий. Кроме того, эти документы позволяют изучить структуру и функции органов городской власти. Специфическое место в кругу источников данной группы занимают директивы Уральского бюро ЦК Тюменскому горкому РКП(б), содержавшие указания об организации агитационно-пропагандистской работы во время избирательных кампаний.

Наиболее массовую группу источников составляет *делопроизводственная документация региональных партийно-государственных структур*. Значительная ее часть представлена материалами губернского, окружного, уездно-городского и городского исполнительных комитетов Советов и комитетов РКП(б)-ВКП(б), пленумов, заседаний секций и президиума Тюменского горсовета. Указанные документы позволяют проанализировать основные направления деятельности советских и партийных органов в масштабе локальной городской общности, изучить механизмы принятия решений.

Большое значение имеют материалы городской избирательной комиссии о ходе и результатах выборов в советские органы власти, явке тюменцев на избирательные участки. Одним из ключевых источников для характеристики механизмов взаимодействия власти и общества, настроений избирателей является документация отчетных кампаний депутатов горсовета.

К использованным *статистическим документам* относятся материалы переписей населения РСФСР и СССР, в которых представлены сведения по половозрастному, национальному, профессиональному составу жителей Тюмени, их занятиям. Кроме того, использовалась статистическая документация об экономическом положении Тюмени.

Для анализа применявшихся властью методов воздействия на массовое сознание, как и других сюжетов, важное значение имела *периодическая печать*, особенно газета «Трудовой набат» – печатный орган Тюменского губернского

(окружного) исполкома и губкома (окружкома) РКП(б), переименованная в 1926 г. в «Красное знамя». Для проведения сравнительного анализа использовалась периодика Екатеринбурга (Свердловск), Новониколаевска (Новосибирск), Вологды и Иркутска.

К источникам личного происхождения относятся мемуары и дневники современников, их письма во власть, которые позволили описать внутренний мир горожанина, детализировать некоторые проблемы.

Большая часть использованных документов впервые вводится в научный оборот.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первым специальным исследованием, в котором на основе современных теоретико-методологических подходов и широкого круга источников проведен многоаспектный анализ истории взаимодействия власти и общества в условиях нэпа в территориальных рамках локального пространства. Автор впервые изучил структуру и ресурсы органов власти города Тюмени, источники формирования и состав городской политической элиты, ее мировоззренческие установки и ролевые функции, основные компоненты политического сознания тюменцев, его эволюцию под влиянием идеологии и практики большевизма, формы политического участия горожан. В работе впервые комплексно исследованы механизмы воздействия власти на политическое сознание и поведение населения города, степень их эффективности.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут использоваться для создания обобщающих трудов по истории политической системы России, тюменского региона и Тюмени в годы нэпа, в учебном процессе. Опыт взаимодействия власти и общества заслуживает внимания политиков и управленцев.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 17 научных публикациях, 3 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования обсуждались на 7 международных, всероссийских и региональных конференциях.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновываются научная и практическая актуальность темы, ее хронологические и территориальные рамки, цель и задачи работы, определяются объект и предмет исследования, анализируются этапы и современное состояние научной разработки проблемы, ее источниковая база, обосновываются теория и методология исследования.

Первая глава «Советские и партийные органы как субъекты политической власти» состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Ресурсы власти» изучены правовые, организационные, социально-экономические, политико-идеологические, принудительные и харизматические виды ресурсов, которыми обладали органы власти Тюмени.

Проведенный анализ показал, что значительное влияние на формирование правовых ресурсов власти оказывали идеологические представления основоположников марксизма и В.И. Ленина. Однако политическая практика большевиков вносила существенные коррективы в советскую правовую систему, законодательные нормы которой, с одной стороны, декларировали «трудовому населению» широкие политические права, а с другой – создавали почву для нарастающего вмешательства правящей партии во все сферы жизнедеятельности общества и государства.

Важную роль в этом играли организационные ресурсы власти, включавшие, прежде всего, партийно-советский аппарат и профсоюзы. Все они формировали единую вертикаль, главные рычаги управления которой концентрировались в руках партийных комитетов и их секретарей. Это позволило унифицировать систему управления, но породило бюрократизм, и разрыв между «верхами» и «низами».

Определенную роль в качестве ресурса власти играла харизма партийно-советских вождей и отдельных местных руководителей, с которыми часть населения связывала надежды на разрешение собственных нужд. Этим же целям

служили подконтрольные режиму каналы политико-идеологического воздействия на массы, а также экономические ресурсы территории, распределение которых в интересах «низов» позволяло сформировать в их сознании образ «своей», «народной» власти. Принудительные ресурсы, как правило, использовались для изоляции потенциальных и реальных политических противников.

Во втором параграфе «Функции и структура органов власти» проанализированы закрепленные в законодательстве и реальные полномочия городских органов власти, их структура.

Правовые нормы отводили Тюменскому горсовету роль высшей властной инстанции в пределах территории города, политически связывавшей вышестоящие органы с населением. Однако, имея обширные полномочия и собираясь на свои заседания лишь несколько раз в год, пленум, как коллективный орган, не мог оперативно принимать решения по многочисленным проблемам, а занимался преимущественно организационными и плановыми вопросами. В этих условиях основные рычаги власти на территории города фактически сосредотачивались в президиуме Совета и даже узких группах его руководителей.

В 1920-е гг. нарастает тенденция к усилению контроля над деятельностью советских структур со стороны правящей партии. В Тюменском городском Совете эту функцию прежде всего выполняла коммунистическая фракция, которая, как правило, предварительно рассматривала вопросы, выносимые затем на обсуждение «рядовых» депутатов. К концу изучаемого периода распространяется практика прямого вмешательства городского или окружного комитетов ВКП(б) в деятельность Совета.

Все это сужало конкурентную среду, в которой обсуждались важные для города и его жителей проблемы, а значит, и ограничивало ресурсы развития политических технологий.

В третьем параграфе «Формирование и состав городской политической элиты» исследованы основные характеристики высших должностных лиц и управленцев Тюмени, а также изменения в их составе и ролевых функциях на протяжении изучаемого периода.

Проведенный анализ позволил выделить два слоя в составе партийно-советских работников города, отличавшихся друг от друга набором

функциональных обязанностей, статусными позициями и материальным положением. Одна из этих групп была представлена руководителями секций исполнительного комитета горсовета, членами его президиума, а также руководителями отделов и членами бюро горкома РКП(б)-ВКП(б), которые непосредственно участвовали в принятии ответственных политических решений. Формально эта часть городской элиты формировалась через процедуру выборов, но фактически подбиралась заранее вышестоящими структурами.

Другой, нижний уровень власти представляли «рядовые» депутаты Совета, работники горисполкома и горкома партии. Формирование этого слоя происходило при более широком участии населения, хотя руководящие структуры также влияли на этот процесс. В результате в годы нэпа состав нижнего уровня городского элиты подвергался более выраженным изменениям. Так, в составе Тюменского Совета доля женщин увеличилась с 10% до почти 30%, доля рабочих – с 45% до 64% в середине 1920-х гг., но после кампании по «оживлению» Советов снизилась до 33 процентов. Впрочем, в 1927–1929 гг. рабочие вновь стали составлять большинство депутатского корпуса. Аналогичным образом менялась и численность членов большевистской партии в Совете: до середины 1920-х гг. они составляли 60–70% депутатов, в 1926 г. – 40% и в последующие годы – 55–60 процентов.

В целом в 1920-е гг. органы власти развивались в двух направлениях. С одной стороны, расширялись формы низовой демократии, к политической жизни привлекались все большие массы населения. С другой стороны, центр выработки политических решений перемещался в узкие по составу группы местных руководителей. В этих условиях формировалась система, все более отдалявшая власть от народа, а политическую жизнь от первоначальных коммунистических идеалов.

Вторая глава «Общество как объект властных отношений» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Состав и материальное положение жителей города» рассматриваются динамика численности и социальный состав жителей Тюмени, объективные факторы, влиявшие на их политические представления.

Проведенный анализ показал, что в условиях Первой мировой и Гражданской войн в Тюмени сокращается численность мужского населения и, наоборот, возрастает доля женщин. Значимой социальной группой становится молодежь, на которую вместе с детьми приходится около 60% горожан. Переход к нэпу внес существенные изменения в демографическую ситуацию. Наблюдается быстрый рост численности жителей города и лиц мужского пола, важные перемены происходят в социально-классовой структуре общества: возрождаются и растут буржуазные элементы, увеличивается численность рабочих, которые вместе со служащими становятся наиболее многочисленной группой в составе трудоспособного населения – приблизительно по 30% на каждую группу. Сравнительно крупной категорией являлись безработные, чья доля в некоторые годы превышала 9 процентов.

В параграфе показано, что в условиях разрухи первых лет нэпа массовое сознание, с одной стороны, демонстрировало нарастание скептицизма и даже негативизма в отношении к власти, а с другой – высокую степень зависимости от ее способности ослабить воздействие последствий войны и разрухи на повседневную жизнь. Последняя тенденция наиболее явно проявлялась в настроениях рабочих, которым советская власть, взяв под свой контроль распределение материальных благ, могла оказать наибольшую поддержку.

Восстановление экономики позволило изменить материальное положение всех групп городского населения, в представлениях которого (за исключением городской буржуазии, подвергавшейся политико-идеологической травле) позитивное восприятие политики власти начинает приобретать доминирующий характер.

Во втором параграфе «Социально-политические взгляды и запросы населения» изучены основные компоненты политического мировосприятия тюменцев, его эволюция, а также социально-политические запросы горожан.

На представления тюменцев в годы нэпа воздействовали разнородные факторы, но в первую очередь – традиционные мировоззренческие установки и политико-идеологические постулаты партии большевиков. Проанализированный в параграфе материал позволил установить, что большевистская пропаганда встречала, хотя и в разной мере, поддержку со стороны немалой части горожан, в

сознании которых укоренились созданные предшествовавшими поколениями «идеальные» образы свободы, равенства и справедливости как важной части мировоззрения народа.

В то же время власть использовала сложившиеся в народном сознании представления в собственных целях, поощряя восприятие большевистской партии как единственной выразительницы подлинных интересов социальных «низов». В результате традиционные для русского народа коллективизм, самопожертвование использовались для мобилизации населения на решение не только общегосударственных задач, но и политических целей большевизма.

Среди новаций в сознании и поведении тюменцев одной из наиболее ярких является трудный процесс формирования представления о женщине как полноправном субъекте социальных отношений, который может и должен активно участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами.

Этот и иные сюжеты диссертационного исследования показывают, что в 1920-е гг. мировоззрение горожан прошло определенную эволюцию. Однако важной его чертой по-прежнему оставался раскол массового сознания, питавшийся революционными потрясениями предшествовавших лет, противоречиями нэпа, пропагандируемой большевиками теорией классовой борьбы, в которой не может быть компромисса. На этой почве сохранялись «спецеество», давление на нэпмановскую буржуазию, преследования оппонентов власти. Все это создавало специфическую атмосферу, в которой неприятие «врага» переплеталось с заботой о близких, своем доме или городе. При этом запросы человека отражали не только его личные потребности в нормальных условиях существования, но и определенные общественные интересы.

Третья глава «Взаимодействие власти и общества» состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Властные технологии» изучены основные инструменты воздействия власти на политическое поведение населения, их эволюция и степень эффективности.

Проведенное исследование позволило выделить основные виды властных технологий, к которым относились контроль над избирательным процессом,

распространение в общественном сознании коммунистических идей, проведение массовых политических акций, антирелигиозная пропаганда.

В рамках сложившейся к началу 1920-х гг. политической системы большевистская партия широко использовала имевшиеся у нее ресурсы для обеспечения благоприятного результата на выборах в Советы. Важными инструментами для достижения этой цели являлись неравные нормы представительства от разных групп избирателей, лишение части горожан избирательных прав, предварительное составление списков кандидатов в депутаты (до 1926 года), которые в основном гарантировали выполнение идущих сверху «разнарядок».

Опираясь на многочисленных «агентов» (профсоюзы, агитаторы, культурно-просветительные учреждения и др.), власть широко использовала манипуляции в повседневной пропаганде, одним из содержательных компонентов которой являлась резкая грань между «своими» (рабочие, служащие, красноармейцы, члены партии и профсоюзов) и «чужими» (нэпманы оппозиционеры, «саботажники»). Используя эту дихотомию, политический режим консолидировал «своих» для решения собственных задач и перенаправлял общественное недовольство на «чужих».

Важным инструментом воздействия на массовое сознание являлись антирелигиозные кампании, сопровождавшиеся закрытием храмов (в начале и конце 1920-х гг.), атеистическими карнавалами, публикацией направленных против священнослужителей материалов, заменой религиозных ритуалов коммунистическими «аналогами». В 1925 г. для организации подобных акций в Тюмени создается отделение Союза безбожников, которое расширило пропаганду «воинствующего атеизма», придав антирелигиозной деятельности особенно радикальный характер.

Во втором параграфе «Формы политического участия» проанализировано участие различных групп населения в избирательных кампаниях, массовых общественных мероприятиях, протестных акциях и других формах политической жизни.

Проведенное исследование показало, что городское сообщество в целом принимает установленные властью «правила игры» и не выходит за очерченные

рамки политических действий. Наряду с этим, разные статусные позиции индивидов, нараставшее в условиях нэпа социальное расслоение накладывают отпечаток на формы политического поведения тюменцев. Пролетарская масса, объявленная опорой большевистской партии, склоняется к поддержке правящего режима, и в ее среде нарастает патерналистское отношение к власти. К концу 1920-х гг. рабочие осваивают новые формы политического участия: возрастает количество обращений в управленческие структуры, фиксируются примеры активных дискуссий в ходе избирательных кампаний и на отчетных собраниях депутатов, что свидетельствует о становлении более активных гражданских представлений.

В меньшей степени эта тенденция проявляется среди «обывателей», важным компонентом политического поведения которых остается абсентеизм. В то же время к концу 1920-х гг. масштабы этого явления сужаются. Особую политическую позицию занимают «лишенцы» – одни стремятся восстановить свои права, другие игнорируют мероприятия власти.

В условиях жесткого политического режима резко сужаются возможности консолидации протестных сил, хотя недовольство как компонент массового сознания по-прежнему сохраняется. К тому же многие участники протестных акций видят в советской власти защитницу интересов народа и, апеллируя к ней, попадают в положение «просителей», оказываясь на периферии общественной жизни.

В третьем параграфе «Власть и общество в решении городских проблем» проанализированы каналы информирования власти о запросах горожан, основные направления ее деятельности по решению городских проблем, формы сотрудничества власти и населения.

В первые годы нэпа из-за неотлаженности инструментов обратной связи население Тюмени обычно информировало власть о своих потребностях через индивидуальные обращения или городскую газету. Новым источником сведений о запросах горожан стала возобновившаяся в середине 1920-х гг. практика регулярного проведения отчетных кампаний депутатов, выявившая множество претензий к органам власти, главными из которых были жилищный кризис, проблемы благоустройства, образования, медицины и другие.

В начале 1920-х гг. все эти сферы находились в запущенном состоянии, а их развитие затруднялось низким уровнем организации работы самого Совета, дефицитом финансовых средств. Ситуация стала меняться к середине 1920-х гг., когда заработали нэповские механизмы и Тюмень получила собственный бюджет. В это время возобновляется жилищное строительство, расширяется сеть школ, больниц, принимаются меры к благоустройству, хотя общая динамика развития городского хозяйства остается невысокой.

Проведенное исследование показало, что, обращаясь к этим и другим проблемам, городские органы власти учитывали как указания вышестоящих структур, так и настроения тюменцев, чьи критика и предложения находили определенное отражение в планах и практической деятельности управленческого аппарата. Одновременно в условиях бюрократизации советской политической системы использование горожанами разрешенных каналов обратной связи все в большей мере формализуется, а принимаемые на «верхах» решения становятся своеобразной привилегией олигархизированных групп.

В некоторых сферах городского хозяйства (благоустройство, жилищное строительство и др.) власть передавала часть полномочий кооперативам и отдельным горожанам. В здравоохранении и особенно образовании, где общественные ресурсы были ограниченными, наоборот, сохранялась почти абсолютная монополия государства. В то же время даже там, где «либеральные» тенденции нэпа проявлялись наиболее рельефно, правящие структуры обычно принимали политические решения, руководствуясь идущими «сверху» указаниями. Сложившаяся социально-политическая система не предполагала проявления общественной инициативы в масштабах, которые могли нарушить планы центра.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования и формулируются наиболее важные выводы.

В представлениях большевиков Советы являлись выражением политического творчества социальных «низов», органами власти, обеспечивавшими им возможность самим решать основные вопросы жизни государства, отдельных его регионов или населенных пунктов. Однако на практике советская политическая система почти сразу же стала

эволюционировать к бюрократизму и отчуждению трудящихся от государственной власти. Эта тенденция проявилась на всех этажах политического здания, в том числе в работе Тюменского городского Совета, властные функции которого перемещаются к исполнительному комитету, а от исполкома к его руководящей группе.

Параллельно усиливается зависимость советских органов от большевистской партии. Опираясь на различные ресурсы, она обеспечивала такой персональный состав депутатского корпуса, который в своем подавляющем большинстве всегда выступал в качестве своеобразного придатка самой партии. В результате на фоне политической инертности части горожан большевики на протяжении 1920-х гг. постоянно выступали в качестве единственной активной организованной силы и фактически монополизировали «свои» электоральные группы, предопределив собственное политическое лидерство.

В значительной степени политическая лояльность населения в провинциальных городах, подобных Тюмени, обеспечивалась выстроенной большевиками социально-политической системой, направлявшей в определенное русло общественную жизнь трудовых коллективов. Она включала партийные и советские структуры, профсоюзы, комсомол, добровольные общества. Не меньшую роль играло и то обстоятельство, что в публичной сфере разнообразные оттенки общественного мнения имели тенденцию к унификации. Важную причину этого диссертант видит в том, что большевистские лозунги связывались немалой частью горожан с идеалами социального равенства и справедливости, доминировавшими в представлениях широких масс населения всей страны на протяжении десятилетий и даже столетий. Особенно отчетливо такие настроения проявлялись среди рабочих, лишенных средств производства и искренне считавших правящую партию защитницей собственных интересов. Кроме того, восстановительные процессы эпохи нэпа способствовали улучшению материального положения социальных «низов», влияя на их политическое сознание и толкая в «объятия большевизма».

В то же время реалии нэпа оказывали заметное влияние на политические настроения оппозирующей прослойки, не согласной с «линией партии». Однако в отличие от центральных районов России, соседнего Урала или некоторых других

регионов эти группы населения не имели внутренних организационных связей, а их протест носил стихийный характер и без труда подавлялся. Выявленные диссертантом материалы свидетельствуют, что среди носителей оппозиционных настроений были «лишенцы», сторонники запрещенных политических партий, а также отдельные представители рабочего класса, некоторые служащие. Их совокупное влияние на городское сообщество было ничтожно малым и затрагивало в основном «обывательские» слои населения, которые в меньшей степени были охвачены большевистской пропагандой и связями с официальными структурами.

В послевоенных условиях тюменские органы власти призваны были решать важные хозяйственные и социальные вопросы, бытовые проблемы населения, задачи благоустройства города. Ситуация обострялась трудностями перехода к нэпу, сохранявшейся разрухой, массовой безработицей, низким уровнем компетенции властных структур. Лишь по мере формирования нэповских механизмов работа Совета постепенно начинает приобретать черты относительной системности. Однако эта тенденция не привела к включению в советскую деятельность широких масс горожан и преодолению разрыва между ними и советскими «верхами», которые хотя и «подпитывались» за счет «низов», но неуклонно обрывали связи с ними, формируя новую статусную группу советских управленцев и местную политическую элиту.

Публикации по теме диссертации

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

Министерства образования и науки РФ

1. Сухарев А.А. Отчетные кампании депутатов Тюменского городского Совета: взаимодействие власти и населения (1925–1929 годы) / А.А. Сухарев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7. Ч. 2. – С. 189–192 (0,35 п.л.).

2. Сухарев А.А. Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа / А.А. Сухарев // Казанская наука. – 2014. – № 9. – С. 43–50 (0,6 п.л.).

3. Сухарев А.А. Формы и методы антирелигиозной пропаганды в годы нэпа (на материале Тюмени) / А.А. Сухарев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10. Ч. 3. – С. 197–199 (0,35 п.л.).

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций

4. Сухарев А.А. Выборы, состав и организация работы Тюменского городского Совета в 1920–1924 гг. / А.А. Сухарев // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Доклады и сообщения Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20–21 ноября 2008 г., Тюмень). – Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2009. – С. 233–237 (0,3 п.л.).

5. Сухарев А.А. Участие населения в выборах в Тюменский городской Совет (первая половина 1920-х годов) / А.А. Сухарев // Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции «Личность и общество в контексте глобализации: проблемы и перспективы». – Тюмень: Изд-во ТюмГАСУ, 2009. – С. 186–188 (0,25 п.л.).

6. Сухарев А.А. Состав Тюменского городского Совета в 1920–1925 гг. / А.А. Сухарев // Диалог культур и цивилизаций. Материалы X Всероссийской научной конференции молодых историков. – Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. – С. 102–103 (0,15 п.л.).

7. Сухарев А.А. Структура и организация работы Тюменского городского Совета в 1920–1924 годы / А.А. Сухарев // Тюменский исторический сборник. Вып. XII. – Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2009. – С. 285–290 (0,3 п.л.).

8. Сухарев А.А. Выборы в Тюменский городской Совет (первая половина 1920-х годов) / А.А. Сухарев // Урал индустриальный: материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н., проф. А.В. Бакунина: в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург: ИД «Автограф», 2009. – С. 123–127 (0,35 п.л.).

9. Сухарев А.А. Меры к улучшению работы тюменского городского совета глазами его руководства в 1920–1925-е годы / А.А. Сухарев // Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых

историков (Самара, 20–21 ноября 2009 г.). – Самара: Изд-во Самарского университета, 2009. – С. 146–148 (0,1 п.л.).

10. Сухарев А.А. Социальный портрет депутата городского Совета в первой половине 1920-х гг.: пропаганда и действительность / А.А. Сухарев // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (0,15 п.л.).

11. Сухарев А.А. «Профессия» депутата городского Совета в 1920-е гг.: повседневность и восприятие / А.А. Сухарев // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 99–104 (0,35 п.л.).

12. Сухарев А.А. Ход выборов в Тюменский городской Совет в первой половине 1920-х годов / А.А. Сухарев // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург 27–28 мая 2010 г. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. – С. 352–355 (0,25 п.л.).

13. Сухарев А.А. Повседневная деятельность депутатов Тюменского городского Совета (1920–1925 гг.) / А.А. Сухарев // Тюменский исторический сборник. Вып. XIII. – Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2010. – С. 319–322 (0,25 п.л.).

14. Сухарев А.А. «Хозяин города» или «бесполезный угол комхоза»: образ Тюменского городского Совета в 1920–1925 годах глазами власти и общества / А.А. Сухарев // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург). – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – С. 168–174 (0,35 п.л.).

15. Сухарев А.А. Состав Тюменского городского Совета и организация деятельности депутатов в 1920–1925 гг. / А.А. Сухарев // Тюменский исторический сборник. Вып. 14. – Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2012. – С. 152–163 (0,55 п.л.).

16. Сухарев А.А. Большевистская агитация в ходе избирательной кампании в Тюменский городской Совет 1921 года / А.А. Сухарев // Множественность интерпретаций: текст и дискурс сквозь призму времен: материалы I студенческой

научно-практической конференции Института гуманитарных наук ТюмГУ. История, международные отношения, документоведение. – Тюмень: Вектор Бук, 2012. – С. 63–66 (0,25 п.л.).

17. Сухарев А.А. Организация и значение массовых праздников в сибирской провинции в годы нэпа (на материалах празднования 10-летия Октябрьской социалистической революции в Тюмени) / А.А. Сухарев // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013». – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) (0,15 п.л.).